

тають звѣздъ съ неба, и изъ нихъ едва ли будутъ порядочные студенты. Даже знаніе русскаго языка у нихъ очень слабо, и замѣчательно, что почти всѣ они рѣшительно ничего не читаютъ. Трудно сказать, завалены ли они уроками, такъ что времени не хватаетъ, или же учителя вовсе не развиваютъ у нихъ охоты къ чтенію. Но что всего больше поражаетъ въ этихъ молодыхъ людяхъ,—это ихъ крайне жалкій, болѣзненный видъ. Въ заключеніе сообщу одинъ курьезъ—уже изъ другой сферы. Есть у насъ одно крупное лицо, съ огромнымъ состояніемъ, занимающее видную должность въ губерніи. Жена этого лица состоитъ членомъ попечительнаго совѣта нашей женской гимназіи. Въ одномъ изъ послѣднихъ засѣданій этого совѣта (кажется, въ началѣ мая) эта дама дѣлаетъ слѣдующее заявленіе: Препровождая, дескать, 600 слишковымъ рублей (не помню точно цифры), вырученные любителями отъ концерта, даннаго въ пользу женской гимназіи *въ 1875 году* и переданные мнѣ, и 300 рублей собранные нѣкоторыми гласными земскаго собранія на обѣдъ моему мужу, отъ котораго онъ отказался, прошу принять эти деньги, съ тѣмъ чтобы изъ $\frac{1}{2}$ производилась уплата за право ученія бѣдныхъ ученицъ гимназіи и чтобы выборъ этихъ ученицъ былъ предоставленъ мнѣ или моему мужу. (Вѣроятно, потомъ право это должно перейти и къ наслѣдникамъ). Вѣдь это что-то вродѣ именной стипендіи. Совѣтъ, принявъ эти деньги, поблагодарилъ предъявительницу ихъ и былъ на столько деликатенъ, что не спросилъ даже о $\frac{1}{2}$ на эти деньги. А за два почти года ихъ навѣрное было бы больше сотни рублей.

Изъ Таганрога. Погода у насъ стоитъ превосходная, урожай ободрилъ всѣхъ: пшеница среднимъ числомъ, по отзываютъ сельскихъ хозяевъ, дастъ самъ 20-ть и рожь—самъ 25-ть. Ожидаются большія дѣла съ открытіемъ портовъ. Одно горе—нѣтъ денегъ на уборку хлѣба, и многимъ приходится запродавать теперь же хлѣбъ по баснословно дешевой цѣнѣ. Такъ напримѣръ, одинъ значительный землевладѣлецъ запродавалъ здѣшнему негодяицу 2 т. четвертей пшеницы по 5 рублей за четверть, получивъ впередъ только 5,000 руб. для найма рабочихъ и прочихъ расходовъ. Подобныя убыточные запродажи совсѣмъ разорили нашихъ землевладѣльцевъ, и никакіе урожаи не спасутъ ихъ до тѣхъ поръ, пока не явится какое нибудь спасительное учрежденіе, которое дало бы имъ возможность своевременно убирать съ поля хлѣбъ, не запродавая его за полъ цѣны на сроки съ колоссальными неустойками. Неужели нельзя устроить общество, главною цѣлью котораго была бы *выдача ссудъ подъ хлѣбъ, находящійся на корню для его уборки?*

Изъ Перми. Извѣстно, что отъ Перми до Екатеринбурга строится желѣзная дорога. Но многіе ли знаютъ, *какъ* она строится? Вотъ недавній случай, котораго я былъ самъ свидѣтелемъ: 20-го іюля 360 человекъ крестьянъ, работавшихъ на желѣзной дорогѣ въ Романовѣ, пришли въ Пермь жаловаться губернатору на своего подрядчика за то, что онъ почти совсѣмъ заморилъ ихъ голодомъ, загналъ въ какія-то трущобы между горъ и кормилъ какой-то жидкой кашичей. Они нѣсколько разъ отказывались работать, но это не достигало цѣли. Наконецъ рабочіе не вытерпѣли, послали изъ своей среды съ жалобой губернатору, и не дождавшись отвѣта, пришли въ Пермь всей массой. Жалко было смотрѣть на эту толпу: всѣ оборванные, грязные, у нѣкоторыхъ во многихъ мѣстахъ виднѣлось голое тѣло. Всѣ они ужасно худые, глаза впалые и лица грязныя и утомленныя отъ долгой ходьбы, такъ какъ отъ Романова до Перми 180 верстъ.

Письмо Д. Л. Мордовцеву.

Прочитавъ въ № 28 «Недѣли» ваши примѣчанія (въ видѣ записки вашей къ уважаемому Павлу Александровичу и въ видѣ ва-

шихъ подстрочныхъ примѣчаній собственно), я послалъ въ редакцію «Недѣли» слѣдующій отвѣтъ вамъ:

«Но еще разъ, и уже въ послѣдній разъ...» твердили мы, бывало, о третьемъ крестовомъ походѣ, по учебнику Смарагова... Еще разъ, и уже въ послѣдній разъ, обращаюсь я съ открытымъ письмомъ непосредственно къ вамъ, многоуважаемый Даниилъ Лукичъ, потому что нахожу, что если говорить *о васъ* можно и слѣдуетъ, то говорить *съ вами*... какъ разъ ошибешися и придется извиняться передъ вами... Однажды вы уже цитировали въ «Новомъ Времени» (№ 70, 1876) мое частное письмо къ вамъ, причемъ однако я вамъ охотно далъ на то дозволеніе заднимъ числомъ (№ 15 «Недѣли» 1876), а теперь, передавая мое письмо отъ 1 іюля въ редакцію «Недѣли», вы замѣнили записку мою уважаемому Павлу Александровичу своею, и снабдили мое письмо своими подстрочными примѣчаніями, предпочтя такимъ образомъ изъ всѣхъ вариантовъ моего предложенія выбрать... новый, о возможности изобрѣтенія котораго я и не мечталъ, такъ какъ могъ остановиться только на предложеніи вамъ любяго изъ самыхъ выгодныхъ *для насъ обоихъ шансовъ* *). Со стороны судить легче, и потому, *думая о васъ*, я увѣренъ, что вашъ такъ-сказать фарлеевскій путь всего менѣе выгоденъ *именно для васъ* преимущественно.

Вы говорите: «Мнѣ не хотѣлось бы огорчать васъ, добрый «товарищъ» (ковчичи принадлежатъ вамъ), обличеніемъ вашей не ловкой ошибки, но я долженъ это сдѣлать: я *не уступилъ* и не отступилъ въ № 477 «Нов. Времени» отъ того, что говорилъ въ свое время...» Признаюсь вамъ откровенно, что хотя вы и не хотѣли огорчать меня, но огорчили-таки изрядно. Я былъ увѣренъ, что вы уступили и отступили, и радовался за васъ. Я радовался, что вы наконецъ сами теперь подсмѣиваетесь надъ *своими* законами, т. е. убѣдились наконецъ, доводами своихъ противниковъ, въ томъ, что ваши *законы* — не законы, а *теоріи, мнѣнія*... Приходится, къ сожалѣнію, видѣть, что вы ничего не забыли, ни отъ чего не отступились... Я наконецъ убѣждаюсь, что дѣйствительно вы и не отступитесь отъ своихъ мнѣній (*мнѣній, мнѣній*, многоуважаемый Даниилъ Лукичъ, а не *законовъ*), «пока, какъ вы говорите, въ процессѣ развитія человѣческихъ обществъ будутъ видѣться извѣстные законы», т. е. пока вы будете принадлежать къ числу тѣхъ натуръ, которыя никогда, не смотря ни на что, не отступаются отъ своихъ мнѣній, или дѣлаютъ видъ, что не отступаются, когда имъ объ этомъ напомнятъ.

Что касается извѣстныхъ законовъ, за незнаніе которыхъ профессоръ Вагнеръ поставилъ мнѣ, по вашимъ словамъ, дважды единицу **) — законѣвъ, которые «неписаны» только тѣмъ господамъ, изъ числа которыхъ вы всегда, по вашимъ же словамъ, меня выдѣляли, то не знаю, что вамъ и сказать... Если вы это написали просто—слѣдовало подумать; если же вы написали подумавши — вамъ же хуже, ваше дѣло! Пусть рѣшитъ тотъ, кто читалъ отвѣтъ мой профессору Вагнеру въ № 80 «Нашего Вѣка», а я только прибавлю, что хотя вы меня и выдѣляли всегда изъ числа тѣхъ господъ, которымъ законъ не писанъ (надѣюсь, что не будете выдѣлять на будущее время), я громко заявляю, что *ваши* законы для меня дѣйствительно не писаны.

Извините же, многоуважаемый Даниилъ Лукичъ, что я ошибся, и въ простотѣ души думалъ, что вы отступились отъ своихъ *законовъ*. Выходитъ, что нѣтъ... Извините, простите!...

Но такъ какъ наше единоборство, имѣя еще интересъ для насъ съ вами (и то конечно не далѣе одной-двухъ репликъ), нисколько не интересно для публики, то изъ уваженія къ ней, даю вамъ

*) Не для васъ конечно, а уже для публики, повторю здѣсь, что писалъ вамъ въ своемъ частномъ письмѣ, посланномъ при письмѣ для «Недѣли»: «чтобы доказать вамъ всю искренность своихъ чувствъ по прочтеніи «Провинциальной ласточки», посылаю на вашъ предварительный просмотръ свое открытое письмо къ вамъ, которое, если одобрите, перешлите при прилагаемой запискѣ Гайдебурову, по городской почтѣ; если же вздумаете въ немъ сдѣлать поправки, *пришлите его предварительно ко мнѣ*. Если захотите, чтобы этого письма не было—изорвите его и увѣдомьте меня».

**) Не точно: профессоръ Вагнеръ поставилъ мнѣ единицу не *дважды*, а *трижды*, дважды—лѣтъ 20 тому назадъ, на экзаменахъ изъ ботаники и зоологіи, за незнаніе *факта*, а не *законовъ*, и третій разъ—въ 1877 году—не напечатавши мой отвѣтъ ему, напечатанный въ № 80 «Нашего Вѣка», въ которомъ опять-таки я виновенъ не въ *незнаніи законовъ*, а въ *отрицаніи вашихъ законовъ*.

слово болѣе не обращаться къ вамъ непосредственно, оставляя за собой право говорить о вашихъ мнѣніяхъ, какъ писателя, если найду, что они хоть до нѣкоторой степени выражаютъ не одно личное ваше мнѣніе. Поэтому-то съ величайшимъ интересомъ буду ожидать возвѣщеннаго вами появленія въ «Новомъ Времени» статьи вашей о провинціальной печати...

На другой день послѣ отправки этого письма, я получилъ № 494 «Новаго Времени» съ обѣщенной вами статьей «Пререканія столичной печати съ провинціальной» и поспѣшилъ попросить Павла Александровича приостановиться печатаніемъ письма отъ 15 іюля, чтобы въ своемъ отвѣтѣ захватить и послѣднюю вашу статью. Къ ней теперь и перехожу.

Первые пять столбцовъ вашихъ «Пререканій» я «пройду молчаніемъ», такъ какъ они составляютъ то, что мы, студенты 50-хъ годовъ, называли въ лекціяхъ «музыкой», т. е. вещи безразличныя, не спрашивавшія на экзаменѣ профессоромъ. Начну съ 6-го столбца.

Вы съ нѣжностью вспоминаете день 29 мая 1866 года, когда сказали первое (не первое—вы ошибаетесь, а одно изъ первыхъ) хорошее слово о провинціальной печати въ № 12 «Недѣли». Я точно также вспоминаю ваше слово; но вы очевидно вспоминаете его (или дѣлаете только видъ) безъ всякой горечи... Я его вспоминаю съ горечью... Поймите, многоуважаемый Даніилъ Лукичъ, что если-бы «Новое Время» было теперь въ 1000 разъ антипатичнѣе, чѣмъ оно есть, оно все таки было-бы въ 1000 разъ терпимѣе, если-бы мы не знали г. Суворина какимъ онъ былъ прежде. Поймите же, что если-бы «Печать въ провинціи» писана была не тою же самою рукою, какою была писана въ № 12 «Недѣли» 1866 года статья «Потребность въ органахъ провинціальной гласности», она произвела бы совершенно иной эффектъ. Появивши это, вы удовлетворительно уясните себѣ и основанія тѣхъ чувствъ, которыя питаютъ къ вамъ ваши противники, уясните себѣ и источники того изумленія, которое вы все еще питаете въ виду того разграничиванія, которое дѣлаютъ (или которое я по крайней мѣрѣ дѣлаю) между Мордовцевымъ до 1875 года и Мордовцевымъ послѣ 1875 года. Вы не разъ плакались на то, что не понимаете, почему на васъ нападаютъ, какъ на зюла провинціальной печати, когда вы всегда, какъ вы утверждаете, были страстнымъ любовникомъ ея, и все забываете, что въ 1866 году вы высказывались за полноправность провинціальной печати, а въ 1875 году вдругъ бухнули «закономъ», въ силу котораго яко-бы не только провинціальная печать, но и провинція вообще обречена на вѣчно-вдовствующую роль... Положимъ, я — милая институтка; вы — блестящій кавалергардъ; вы за мной при этомъ «пріударяете»; сегодня вы мнѣ говорите, что хотя я не болѣе какъ милая институтка, но во мнѣ есть всѣ задатки для того, чтобы быть хорошей женщиной, а завтра вы мнѣ подносите ех абсурдо такую «пулю»:

— Pardon, charmante mademoiselle, я ошибся: вчера еще я не зналъ о великомъ законѣ, открытомъ какимъ-то французскимъ фельетонистомъ, который гласитъ, что вы никогда хорошей женщиной не будете, ибо вообще женщина—не человѣкъ, ergo и хорошей женщины не можетъ быть...

Неужели вы этого не понимаете, Даніилъ Лукичъ? Если вы все еще удивляетесь, почему на васъ нападаютъ, то я еще болѣе удивляюсь, что вы можете удивляться...

«Музыкой» считаю я и слѣдующіе 7, 8, 9 и 10 столбцы вашихъ «Пререканій» и останавлиюсь въ заключеніе на 11 и 12 столбцахъ.

«Вотъ здѣсь-то и совершаетъ столичная печать непростительное душегубство или талантъ-убійство», восклицаете вы, говоря о трудности молодому провинціальному «таланту» (беллетристу) положить себѣ дорожку въ «солидный» петербургскій журналъ... Неправда. Дурныя стороны петербургской монополюющей печати не въ этомъ. Неужели вы не знаете (знаете, знаете, потому что и сами говорите; только зачѣмъ же приведенной выше фразой противорѣ-

чить себѣ?), что крупный талантъ вездѣ пробьетъ себѣ дорогу, гдѣ-бы онъ ни сказался: въ Загибениномъ-ли переулкѣ на Васильевскомъ островѣ или въ обжорномъ ряду Толкучки любого провинціального города... Не только крупный провинціальный талантъ, но даже, въ ущербъ принципа диктаторской власти петербургскаго редактора, даже несомнѣнныя провинціальныя посредственности по всѣмъ родамъ оружія съ достаточною легкостью добиваются чести попадать на страницы «нашихъ уважаемыхъ солидныхъ журналовъ»... Я не считаю себя ни крупнымъ, ни инымъ «талантомъ», но, право, не считаю ни за особенную честь, что получалъ приглашенія участвовать въ вашихъ «солидныхъ» журналахъ, ни за особенное несчастье, что до сихъ поръ значительно воздерживаюсь отъ такого участія, и только охотно поддерживаю давно-установившіяся литературныя связи съ Петербургомъ и дорожу ими... Вы берете, значить, подъ свою защиту провинціальную печать не съ той стороны, съ которой слѣдуетъ, и затѣмъ говорите то, противъ чего я до такой степени не возражаю, что готовъ обѣими руками подписаться подъ вашими мыслями и цѣликомъ ихъ здѣсь выписываю:

«Эта молодая женщина, говорите вы о провинціальной печати вообще, до сихъ поръ жалуется, что она не пристроена. Мы боимся даже, что она останется въ дѣвкахъ, да и теперь своею раздражительностью обнаруживаетъ уже добрыя качества старой дѣвы (немножко не «отшлифовано»; какъ это: «мы боимся»... да и теперь своею раздражительностью?») Какъ старой дѣвы, ей остается одна благодарная и почтенная роль—перестать мечтать о женихахъ, о соперничествѣ съ столичною печатью и о невозможныхъ (?) побѣдахъ надъ нею, а обратить весь запасъ своей неистраченной лѣтви и энергіи на воспитаніе молодого провинціального поколѣнія, смотрѣть, чтобы оно было вымыто и причесано, обшито, обуто и одѣто, чтобы его свиньи не ѣли, когда оно еще ходитъ не умѣетъ, а ползаетъ, чтобы его не обижали злые и глупые взрослые, чтобы рубашечки и чулочки его были заштопаны, а вмѣстѣ съ тѣмъ приглядѣть за всѣмъ провинціальнымъ домашнимъ хозяйствомъ. Это — самая благодарная и высоко ночтенная роль провинціальной печати; у нея на глазахъ растутъ дѣти—провинціальныя земства, городское самоуправленіе, провинціальный судъ, провинціальная медицина, провинціальный педагогика. За всѣмъ этимъ долженъ присмотрѣть зоркій глазъ печати—чтобы и въ земскихъ учрежденіяхъ не допускались безобразія, чтобы и судъ не уклонялся въ сторону отъ святости своего призванія, чтобы и медицина не оставляла народъ безпомощнымъ, а педагогика—безграмотнымъ и т. д., и т. д. Пусть провинціальная печать заглядываетъ подъ каждую крышу, въ теплыя нутры каждой избы, въ земскія собранія, въ судъ, въ школу — и все, что найдетъ тамъ достойное позорнаго столба, оглашаетъ во всеуслышаніе. Если оглашенія эти не попадутъ въ столичную печать, то пусть собираются въ отдѣльные огласительные резервы и отъ времени въ являютъ на свѣтъ Божій хотя бы въ видѣ «Вятской незабудки» или иными періодическими серіями подъ заглавіемъ «Оглашенные», или что-нибудь въ этомъ родѣ. Если каждая губернія будетъ давать каждый годъ по одной такой серіи «Оглашенныхъ», то это составитъ богатую провинціальную литературу—и цѣль печати (мѣстной) будетъ достигнута: воспитанное печатью провинціальное общество само скажетъ своимъ «Оглашеннымъ»: «оглашенные, изыдите» — и они должны будутъ «изыти» изъ общества честныхъ людей. А разъ что правительство убѣдится въ существованіи самобитной литературной жизни въ провинціи, разъ что провинціальный литературный нервъ обнаружитъ явственно свое бленіе, не случайнымъ явленіемъ, не спорадически, а правильнымъ проявленіемъ литературной жизненности провинцій, — правительство, безъ сомнѣнія, не замедлитъ примѣнить и къ провинціямъ тѣ правила о печати, которыми управляется печать столичная.

Да, да и да. И мы тоже говоримъ (прибавляемъ только, что нѣтъ никакого резона для непремѣнной перекочевки—по рецепту вашихъ «законовъ», обнародованныхъ вами въ вашемъ уложеніи 1875 года «Печать въ провинціи» — и крупныхъ беллетристическихъ талантовъ въ одинъ центръ); но то, что вы сказали и что я сейчасъ у васъ выписалъ, не можетъ говорить тотъ, кто вѣруетъ

въ какіе то «законы» о вѣчно-вдовствующей провинціи, въ «законы», обрекающіе ее никогда не играть одинаковой съ центромъ роли (миѣ думается вообще, что роль провинціи серьезнѣе роли центра, на что я имѣю доказательства въ исторіи); если же онъ это говоритъ въ № 494 «Новаго Времени», то не имѣлъ права сказать недѣлю тому назадъ въ № 28 «Недѣли», что ничего не уступилъ, ни отъ чего не отступилъ... Если вы вѣрите въ реальность вашихъ «законовъ природы», не проговаривайтесь сами противъ нихъ, будьте послѣдовательны... Имѣйте твердость дѣйствительно ни отъ чего не отступать, и тогда никто не будетъ обращать вашего вниманія на то, что вы отступаете; но, гораздо лучше, имѣйте мужество уступать и открыто сознаваться, что вы уступили, или просто даже смолчать, чѣмъ отдѣлываться дешевыми остротами надъ противникомъ, обращающимися противъ васъ самихъ, и тогда никто въ мірѣ не осмѣлится говорить о вашихъ неправдахъ.

Во всякомъ случаѣ время насъ съ вами разсудить. Но если вы найдете что возразить на настоящее мое обращеніе къ вамъ (т. е. возразить *существенно*, а не исключительно одними полемическими «красотами»),—такъ и быть, исполню свое обѣщаніе написать вамъ свое 2-е и 3-е письмо, данное мною вамъ въ 1-мъ («Смерть провинціи или нѣтъ?»), даже рискуя болѣе продолжительно, чѣмъ сейчасъ, позаняться языкочесаніемъ: многое въ нашемъ спорѣ, я иначе и назвать не умѣю.

Во всякомъ случаѣ, примите и проч.

А. Гацискій.

15 іюля 1877.

Нижній Новгородъ.